

ВИКИНГ

Белый Волк
Кровь Севера
Вождь викингов
Танец волка
Земля предков

Александр
МАЗИН

ВЫКУП

ЗЕМЛЯ ПРЕДКОВ

Москва
2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М13

«Разработка серийного оформления *Андрея Саукова*

Иллюстрация на обложке *В. Петелина*

Мазин, Александр Владимирович.

М13 Викинг. Земля предков / Александр Мазин. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 384 с. — (Викинг).

ISBN 978-5-699-87071-4

Девятый век. Ладожское княжество.

До Древней Руси еще сотня лет, однако она уже начинается. И начинается именно здесь, в Ладожском княжестве, куда после трех с лишним лет странствий и битв возвращается родившийся в двадцатом веке и нашедший себя в девятом Ульф Свити, Белый Волк, пришелец из будущего. Он воевал во Франции и в Англии вместе с легендарным Рагнаром Лотброком и его сыновьями. Он побеждал, проигрывал, терял. И вновь возвращал утраченное. У него новое прозвище и старые друзья, готовые умереть за него так же, как и он — за них. Вместе с ними Ульф пришел сюда, в Ладогу, чтобы отыскать своего пропавшего конунга, в гибель которого так и не поверил.

Пришел и тотчас оказался в самом центре схватки за право владеть землей своих предков.

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Мазин А., 2016

© Оформление.

ООО «Э» Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-87071-4

ГЛАВА 1

Суд Рагнара

— Ох, сомневаюсь я в этой истории, — пробормотал я, приложившись к ковшу.

Пивко уступало тому, что варила моя прекрасная женошка, но всяко лучше того, что когда-то называлось «Балтикой». Хотя, если по-честному, вкус «того» пива я уже не помнил. Слишком долго я здесь, в Средневековье, чтобы помнить, как оно там — в мире компьютеров, чиновников и телевизионных шоу. В мире, где меня звали Николай Григорьевич Переляк и где был я — уважаемый человек, оружейник и фехтовальщик, достигший своего естественного социального потолка.

Здесь, в Средневековье, я тоже стал уважаемым человеком и успел испробовать многое. От раба до хёвдинга, то есть вождя боевой дружины. Собственно, я и сейчас оставался вождем, вот только дружина у меня была — едва хватит, чтобы заполнить румы моего маленького драккара. Звали меня здесь до недавнего времени — Ульфом Черноголовым. Ульфа я придумал сам, а Черноголовым окрестили братья по палубе. Но в прошлом году один из моих хольдов, берсерк и великий воин Хавгрим Палица, «перекрестил» меня в Ульфа Хвити. Белого Волка. Никто не возражал. Я — тоже. Белый Волк — мой давешний зверь-хранитель, или как это там называется.

Не важно. Важно, что, когда он приходит, мы танцуем. И танец этот — лучшее, что я испытывал в жизни. Зато для моих врагов он весьма неприятен.

Что еще добавить?

Здесь у меня есть названный сын. Вот он сидит. Виги-Вихорёк. Я встретил его, когда он был совсем мальчишкой, рабом у франкских монахов. Теперь он — викинг. Дренг. И уважаемого рода. Моего то есть, поскольку я его усыновил по всем здешним правилам.

Еще у меня есть названный брат. Тоже берсерк и сын берсерка, а зовут его Свартхёвди Сваресон, по прозвищу Медвежонок. Медвежонок — брат мой по клятве и по праву родства, поскольку сестра его Гудрун — моя законная жена. Сейчас Медвежонок сидит напротив меня, и шею его, вполне годную, чтобы согнуть лом, разминает сисястая девка-рабыня, которую братец только что употребил по прямому назначению. К обоюдному удовольствию. Свартхёвди любит женщин, и они его — тоже. По здешним понятиям, Медвежонок — красавчик. Нос картошкой, борода лопатой, лапы в татуировках, из-под белесых бровей поблескивают медвежьи глазки профессионального убийцы. Моему братишке не то что палец в рот не клади. Вообще ничего съедобного в его сторону не протягивай. Отхватит по самые ягодицы. Это о нас мой скальд Тьёдар Певец сочинил сагу о Волке и Медведе, от которой меня уже тошнит. Но людям нравится.

Свартхёвди по обряду — мой *младший* брат. Он сам так решил, хотя здесь, на острове Сёлунд, он не менее уважаемый человек, чем я. Богатый и славный. Я тоже богатый и славный, а многие считают меня еще и удачливым.

Я не спорю. Ведь моя жена — самая красивая женщина Сёлунда (внешнего сходства с братом, к счастью — ни малейшего), и я ее люблю. Последнее не удивительно. Удивительно то, что она меня любит. Полюбила, как ут-

верждает, с первого взгляда, хотя по местным меркам я — не очень. Среди всех этих высоченных плечистых синеглазых блондинов я смотрюсь очень посредственно, ибо росту невысокого и масти черной, за что и получил, кстати, первое прозвище. Однако эти недостатки внешности уходят на второй план, когда у меня в руках клинок. Игре с железом я обучался еще в «прошлой» жизни и достиг немалых успехов, не говоря уже о коллекции престижных кубков и медалей. Но только здесь я достиг настоящего совершенства. Ведь только здесь клинок становится тем, для чего создан: границей между двумя мирами. Миром жизни и миром смерти.

— В какой истории ты сомневаешься? — ворчит Свартхёвди, красный, распаренный, ленивый. — Ты о чем, брат?

— В той, что Сигурд Змей в Глазу рассказал прошлой весной?

— А что он рассказал? — Свартхёвди хорошо. Он власть попинал мяч, качественно пропарился, всосал литров пять пива, поимел девку (здесь это супружеской изменой не считается) и теперь способен думать только о простом и приятном.

— Год назад, — напоминаю я. — Помнишь? На пиру у конунга он рассказывал? Как у него драккар пропал...

— Ну-у-у... — бормочет Медвежонок. — Не помню. И что нам до пропавшего драккара Сигурда Рагнарсона?

— Забыл, что ли? Ивар рассказывал. У Сигурда драккар пропал, а жрец в Оденсе ему заявил: мол, боги его забрали.

— А чё такого? — бормочет Медвежонок. Татуированная лапа нащупывает ляжку рабыни и щиплет. Больно. Рабыня пищит, но массажа не прекращает. Рабыне, по-здешнему — тир, положено терпеть. Она принадлежит одному из многочисленных родичей Медвежонка, так что Свартхёвди может делать с ней всё, что пожела-

ет. Хотя если он ее покалечит или убьёт, придется выплатить ущерб. Как за испорченную вещь. Но пока она в полном порядке и востребована. И судя по тому, какие взгляды кидает в ее сторону Вихорёк, одиночество ей в ближайшее время не грозит. Однако пока рабыня занята Медвежонком, Вихорьку ничего не светит. И он это понимает.

— А то, братец, — говорю я, — что на хрена богам драккар Сигурда Рагнарсона?

— Ну-у... — Медвежонок, похоже, собирается задремать. — Драккар небось хорош. У Змееглазого-то. А боги... Кто знает, что им надо? Ты, что ли, знаешь?

— Что надо богам, я не знаю, а вот насчет драккара — догадываюсь! Это Хрёрек, брат! Больше никому.

Здесь я могу говорить свободно. Хозяин и его сын ушли готовить пирушку, а мой названный сынок Виги-Вихорёк попусту болтать не станет. Что же до рабыни, то кто их слушает.

— Думаешь? — Свартхёвди приоткрыл один глаз. — А знаешь, на Хрёрека Сокола это похоже. Если он жив, ясное дело. Хотя... Увести драккар с пристани главного города Сигурда? Нет, не верю, невозможно.

И глаз снова закрылся.

— А я бы проверил.

— А что тут проверять? Вот придут первые корабли из Хедебю, и узнаем.

— Почему из Хедебю? — спросил я.

— А откуда? Там его покровитель Харек, конунг всех данов. Куда ему еще бежать?

— Я не думаю, что Хрёрек пойдет к Хареку Младшему. Один раз Харек уже не смог защитить его от Рагнарсона. Надо быть слепым, чтобы дважды вступить в одно и то же коровье дерьмо. Хрёрек не таков.

— Если ты прав и это Сокол захватил драккар Сигурда, то наш бывший конунг дернул за хвост дракона

прямо в его логове, — проворчал Свартхёвди. — Змей в Глазу не успокоится, пока не отомстит. Ты помнишь: он напал на Хрёрека прямо на глазах у данников Харека-конунга. Он напал на того, кто говорил против него на тинге. И новый тинг, как ты знаешь, принял уже сторону Сигурда. И Харек Младший утерся, а это значит: теперь любой Рагнарсон может взять морскую дань с любого из бондов Харека. И никто не посмеет жаловаться. Да и кому?

— Не могу понять, — проговорил я, приложившись к пиву, — почему Харек-конунг позволил всё это?

— А что тут непонятного? — удивился Свартхёвди. — Лучше пусть тебя называют конунгом всех данов, чем врагом Рагнара-конунга. Если бы Рагнар Лотброк пожелал... — Медвежонок с хрустом потянулся и встал. — Он еще до осени занял бы место Харека.

— Так почему же он этого не сделает? — поинтересовался я.

— А зачем ему? Он не хочет быть конунгом всех данов. Он желает стать конунгом Англии, Нортумбрии, Эссекса... И еще каких-то там земель, не помню. И он станет, поверь моему чутью! — Свартхёвди схватил бадейку с ледяной водой и опрокинул на кудлатую голову. — Э-эх! Что-то я проголодался! Эй, куда? — Он поймал за руку попытавшуюся ускользнуть рабыню и пихнул ее к Вихорьку: — На, сынок, поиграйся.

Ну да, Вихорёк и ему сын. Таковы правила побратимства. И драккаром мы владеем вместе и дружиной-хирдом командуем тоже на пару. Но я все равно главнее. Потому что старший. Так что решать, куда и зачем мы поплывем, тоже мне. Однако мнением Свартхёвди я пренебрегать не стану, и он это знает.

Вот только искать Хрёрека в Хедебю я не буду. Есть у меня мысль о том, где он может быть. И Медвежонок об этом узнает. В свое время.

* * *

В столицу Рагнара Лотброка Роскилле, расположенную внутри прекрасного фьорда не менее прекрасного острова Сёлунд, мы приехали вчетвером. Я, Медвежонок и Вихорёк, еще с нами увязался мой хирдман и по совместительству скальд Тьёдар Певец. Приехали вроде бы по делу: прикупить рабов. Этак с дюжину.

Сейчас, сказала мама моего побратима Рунгерд, — самое время. Содержать зимой не придется, и есть еще месяц, чтобы подкормить трэлей до рабочего состояния. Конечно, стоили рабы весной подороже, чем осенью, когда викинги возвращались с набегов, но по деньгам выходило так на так. Зато если уж раб пережил зиму, значит, и летом не помрет.

Она у нас хозяйственная, Рунгерд. И это хорошо, потому что по совместительству она — мама моего сына Хельгу. Считается, правда, что Хельгу я усыновил... но вообще-то он мой сын и есть. Такая вот у меня личная жизнь насыщенная. Временами. Была.

Покупка трэлей для меня только повод скататься в Рагнарнову столицу. В Роскилле я предполагал заняться сбором информации: поболтаться среди народа, послушать новости, прикинуть планы на лето. А рабами пусть Свартхёвди занимается. Хотя есть у меня подозрение, что и для Медвежонка рабы — только повод. Главное же — выпить-закусить на халяву у многочисленных братьев-дядьев-племянников, которых у него — без числа. Как и у всякого родовитого скандинава, считающего родство до седьмого, а то и десятого колена.

Однако на рынок мы всё же пошли. На третий день. Причем все вчетвером. Но вместе мы пробыли недолго. Тьёдар потерялся практически сразу. И я знал, где его искать, если что. В кабаке.

Потом разделились и мы. Медвежонок с Вихорьком двинули туда, где торгуют нашими братьями по разуму, а я решил просто прогуляться по городу. На самом рынке сейчас неинтересно. Единственное, что меня понастоящему интересует, это оружие. Однако всё стоящее в области вооружений давно распродали. Опытные люди закупаются осенью. Хотя и осенью ничего не покупал. Оружия столько, что сам продавать могу.

Так что рынок я покинул и отправился к пристани. На корабли поглядеть...

...И угодил прямо на судебное заседание. По местным меркам это считалось отличным шоу. Особенно если дойдет до судебных поединков.

Хозяин Сёлунда, Сконе и еще многих датских земель конунг Рагнар Лотброк во всей своей грозной красе восседал на троне в окружении страхолюдной гвардии.

«Этажом ниже» теснились жаждущие правосудия.

Меня пропустили в первые ряды без вопросов. Я считался человеком Ивара Бескостного, хотя и не носил на одежде его знака. Типа, союзник. Но уважаемый.

Ага, а суд-то неравный. С одной стороны — какой-то занюханный бонд, с другой — настоящий воин. Хирдман. Кажется, из дружины Уббы Рагнарсона, точно не скажу. И на его стороне — десяток здоровенных мордастых дружбанов. А за бондом — только парочка свидетелей. Таких же занюханных. Уббов боец мне сразу не понравился. Ну не люблю я таких: наглых, кичливых и норовящих опустить тех, кто помельче. Бонда-истца я не знал. Наверное, откуда-то с другой части Сёлунда? Чем, интересно, его так изобидели, что он вызвал на Рагнарсов суд Рагнарова же человека?

Узнал. Суд продолжался уже часа два, но то, что было раньше, мне пересказали.

Была, значит, у бонда дочь. И на беду свою приглянулась деvушка ответчику, Визбуру Морской Крысе,

когда тот появился в дом бонда. Гость здесь весьма уважаем... Но не настолько, чтобы по первому требованию класть ему в постель хозяйскую дочь, свободную, между прочим, датчанку. В общем, не захотела девушка добровольно отдаться Крысе (и я ее понимаю), и тот повел себя неправильно. То есть грубо наплевал на законы гостеприимства, которые не только хозяина обязуют гостя кормить-защищать, но и от гостя требуют правильного поведения. Обиженный отказом, Визбур Морская Крыса побил бонда и всех его домочадцев, причем кого-то даже до смерти, потом изнасиловал девушку, забрал с собой, то есть увез сюда, в Роскилле. Без всяких обусловленных законом формальностей.

По словам свидетелей, обращался Визбур с ней отвратительно. Как с рабыней, а не свободной. Бил часто и сильно. Так что у девушки даже случился выкидыш.

Умыкнутая девушка на суде тоже присутствовала, причем стояла не с отцом, а на стороне, отведенной ее обидчику-хирдману. Когда-то она, возможно, была красивой, но сейчас выглядела неважно. Похоже, недавно ей крепко досталось.

Сначала я удивился. Не понял, как такое возможно. То есть беспредел воинов в отношении бондов — это нормальная ситуация во всех землях Датской Марки и далеко за ее пределами. Однако не в Сёлунде. Здесь все землевладельцы держатся друг за друга, как я успел убедиться. Да и Рагнар их поддерживает, не дает своим головорезам безобразничать у себя дома. И это правильно. Если учесть, сколько викингов здесь постоянно болтаются, они б весь остров на составные части разобрали вместе с населением, а великолепные леса, красу и гордость Сёлунда, основу его кораблестроительной промышленности, сожгли на фиг на дрова.

Всё встало на места, когда мне сказали, что мужик не сёлундский, а сконец. С той территории, которую не-

давно отхапал папа Рагнар и поделил между сыновьями: Бьёрном и Уббой. Сконе — не Сёлунд, так что у бонда — никаких шансов на справедливость. Этак он еще и в рабы угодит за «поклеп».

Собственно, к этому и шло. Визбур Крыса даже не оправдывался. Не сомневался, что приговор в его пользу. Да и никто из зрителей тоже не сомневался.

Но мнения всё же разделились. Одни считали бонда придурком, другие — тоже придурком, но придурком храбрым.

Рожа у Визбура Крысы лучилась самодовольством. Мерзкая рожа. Кровожадный, обнаглевший от осознания безнаказанности злодей. То есть среди моих собственных хирдманов были с рожами и похуже, но то были свои, а этот — просто сволочь. Меня особенно взбесило, что он избил девушку до выкидыша. Ну, неровно я относился к такому. Наверное, потому, что у моей Гудрун осенью тоже случился выкидыш. Правда, ее никто не бил. Наоборот, она сама убила. И не кого-нибудь, а сконского ярла. Однако потрясение сказалось. Ребенка она потеряла. И убивалась жутко. Правда, сейчас, когда она снова беременна, стало полегче.

А вот этой малышке легче точно не будет.

У меня нет никаких оснований любить сконцев. Никто не принес мне столько горя, сколько они. Но то были воины, а этот...

Наверное, он все же больше храбрец, чем придурок. Похоже, драться собирается! С хирдманом! Совсем с ума сошел? Хотя... Что ему терять?

— Пусть боги рассудят, — вещает Рагнар.

Это значит, убей его, Визбур, и дело с концом.

Окружение Лотброка веселится. Скалится Убба Рагнарсон, кричит своему человеку: мол, сделай из свинопаса свинью!

Не смеется только Ивар Бескостный. На его лице, как обычно, никаких эмоций. Какие эмоции у дракона?

О черт! Нет, я не могу этого допустить! Если не встряну — уважать себя перестану. А если встряну, этот Визбур вполне может меня убить. Боец он лихой, в этом можно не сомневаться. А если я его убью, то на меня может обидеться сам Убба Рагнарсон, а это уже совсем неприятно...

Ну и хрен с ним, с Уббой! Пусть обижается!

— Конунг! — Я шагнул вперед, изобразив легкий поклон.

Меня узнали. Губы Ивара тронула еле заметная усмешка.

— Ульф Хвити! Хочешь что-то сказать? — очень благожелательно поинтересовался Рагнар.

— Хочу!

Визбур глядит на меня и чуток напрягается. Я в его сценарии не предусмотрен. Но напрягается он совсем немного. Пока не вспоминает, кто я такой. А я для таких, как он, — человек Ивара Рагнарсона. То есть свой. Вдобавок всем известно, что я пострадал от сконцев, следовательно, никак не могу оказаться на стороне истца. И беспокойство тут же сменяется любопытством: чем же его, Визбура, развлечет этот маленький чернявый парень?

Уж развлеку, не сомневайся!

— Говори! — благожелательно разрешает Рагнар. Он тоже ждет чего-то... интересенького.

Шум стихает. Все хотят услышать, что я сейчас изреку. И я изрекаю. Неожиданное.

— Мой конунг! Этот человек, — кивок на бонда, — кажется мне очень храбрым. А храбрость, как я думаю, по нраву богам!

— Все это знают, — соглашается Рагнар. — Вот пусть он и покажет свою храбрость! Сразится с Визбуром Морской Крысой. И если боги на его стороне, он непременно победит.

Конунг пошутил. И всем весело. Гогочут, аж рёв стоит.
— Пусть Тор поразит Крысу Молотом! — орет кто-то.
— Или Один — своим копьём Гунгниром!¹
— Или Фрейр — своим!² Га-га!
— Если ты позволишь, Рагнар-конунг, — говорю я, когда вопли немного стихают, — я бы хотел сам послужить оружием богов.

Сразу становится тише.

— Что он сказал? — переспрашивают у меня за спиной.

Убба всё еще скалится. Он не понял.

А вот Морская Крыса — сообразил. Ухмылочка-то с морды сползла. «О то ж!» — как говаривала моя бабушка.

— Хочешь встать за сконца? — удивляется Рагнар. — Зачем тебе?

— Мне понравилась его храбрость, — я выдерживаю взгляд конунга, не сморгнув.

Рагнар ухмыляется еще шире. В конце концов, для того и существует божий суд, чтобы люди могли повеселиться. А славный хольмганг куда лучше, чем выступление мясника.

— Поединок чистый! — провозглашает конунг.

Это устраивает всех. Никто не станет мстить бонду, если я прикончу Визбура. Именно бонду, а не мне, потому что формально сражается он, и все пряники и плюхи — тоже его. Но не о бонде заботится Рагнар, потому что и мой брат Медвежонок не станет мстить Визбуру, если тот прикончит меня.

— До первой крови, — говорит Рагнар. — Если ты, Белый Волк, докажешь правду этого сконца, Визбур вернет девку и заплатит... Заплатит десять марок!

¹ Гунгнир — копьё главного бога скандинавского пантеона Одина.

² Фрейр — бог плодородия. Как и положено богу этого профиля, отличался размерами соответствующего органа.